

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

Е. В. Рахилина

Семантика посессивности и вопрос (о русской лексеме *чей*)

Рассматриваются русские вопросительные предложения со словом чей и способы построения правильных ответов на эти вопросы. Предлагается нетрадиционный семантический анализ посессивного отношения.

Традиционное представление о вопросах со словом *чей* как вопросов о принадлежности одушевленному субъекту (ср. МАС: “чей — вопрос о принадлежности чего-л. кому-л.”) диктует такое их семантическое представление, при котором идея принадлежности отражается в виде специального предиката (в некоторых моделях описания называемого “фиктивной лексемой”) со значением ‘принадлежать’, ‘находиться во владении’ (‘X принадлежит Y-у’).

Слабое место этого описания прежде всего в том, что оно предполагает семантическую независимость элементов X и Y в приведенной структуре, тогда как между X и Y могут существовать достаточно сложные семантические отношения, влияющие на интерпретацию конструкции. Именно эти случаи оказываются наиболее уязвимыми для традиционной посессивной интерпретации: непосредственно связывающее X и Y семантическое отношение может изменить ее — и обычно изменяет*.

Ниже мы подробно рассмотрим различные группы лексем, способных замещать X в посессивной конструкции вида *чей X?* и обсудим подходящие в этих случаях правила интерпретации посессивного вопроса.

Нам представляется уместным начать с примеров, занимающих центральное место в работах, посвященных посессивности, а именно: имен родства и названий частей тела.

ИМЕНА РОДСТВА

Итак, пусть X — имя родства (*брат, свекровь, муж* и под.). С синтаксической точки зрения, это тот случай, когда на месте X в конструкции *чей X?* стоит предикатная лексема со своим набором валентностей. У имени родства две валентности: ‘кто есть родственник кого’; нас будет интересовать вторая — именно этой валентности соответствует вопросительная переменная, которая заполняется при ответе на вопрос со словом *чей*, ср. *Чей ты сын?* ≈ ‘Сделай так, чтобы я знал Y-а, такого, что ты сын Y-а’**.

Имя родства может трансформироваться в имя своего первого актанта, омонимичное имени родства: структура вида X — *отец Y-а* переходит в этом случае в структуру вида *отец Y-а*, точно так

же, как X должен Y-у трансформируется в *должник Y-а*. *Отец* и *должник* становятся отпредикатными именами типа S₁, сохраняя все (кроме первой) валентности предиката, и в том числе вторую, т. е. ту, что в контексте вопроса с *чей* заполнена вопросительной переменной, ср. *чей отец?*, *чей должник?*, а также *чей помощник?*, *чей убийца?* и под. Заметим, что при ответе на вопрос валентность может заполняться только лексемой, обозначающей конкретное лицо или группу лиц, — не (конкретно) референтные ответы не допускаются. Это ограничение естественно для имен родства (в родственных отношениях состоят либо конкретные лица, либо группы конкретных лиц) и существенно для имен деятеля, ср. недопустимые пары:

* *Чей ненавистник?* — *Женщин*,

* *Чей любитель?* — *Домашних птиц*,

при возможном: *ненавистник женщины* и *любитель домашних птиц*.

К именам родства примыкает группа названий лиц, которые в соответствующих синтаксических контекстах могут обозначать двухместное отношение или первый актант такого отношения (эта информация должна фиксироваться в их словарной статье): *девушка, парень, младенец, мальчик, девочка, дама, мужик, баба, старуха, старик* и под. (но не, например, *юноша* — см. ниже!). Ср.: *Это — девушка Ивана; Вошел Васильков со своей дамой; Девочки, к вам пришел ваш мальчик* [Л. Петрушевская], — но не **Девушки, к вам пришел ваш юноша*.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении в рамках задачи описания вопросов с *чей* (и, видимо, шире — посессивных конструкций) имена родства оказываются с синтаксической точки зрения как бы частным случаем имен деятеля, так что такого рода примеры имеют общую семантико-синтаксическую трактовку.

ЧАСТИ ТЕЛА

Для лексем, называющих части тела, вопросительной переменной в конструкции *чей X* будет переменная, соответствующая (посессивной) валентности имени X.

* Тем самым, вопрос с *чей* выступает в неожиданной роли, а именно, в роли индикатора семантических отношений между двумя лексемами.

** Подробнее о понятии вопросительной переменной, используемом в рамках логико-семантического подхода к описанию вопроса, см. [1; 2]; см. также [3].

Замечание. Посессивная валентность, по-видимому, не должна приписываться названиям внутренних органов (с научной точки зрения также являющихся “частями тела”), хотя и не поддающихся непосредственному восприятию, такие слова, как *сужожилие*, *артерия*, *предсердие* и т. п., в нормальном случае не употребляются в контекстах, позволяющих говорить о существовании индивидуализированного обладателя; исключением является в этой группе только слово *сердце* с его особой ролью в наивной картине мира. С другой стороны, лексемам *кровь* и *пот*, с формальной точки зрения не обозначающим никаких “частей”, по-видимому, на основании их синтаксического поведения посессивная валентность должна быть приписана. Все сказанное свидетельствует о том, что в наивной картине мира (в отличие от научной) не все “части” человеческого тела равноправны; некоторые из них претендуют на особую связь с индивидуальным обладателем, другие же остаются вовсе незамеченными, в некотором смысле оказываясь как бы несуществующими.

При ответе вопросительная переменная замещается именем конкретного живого существа (сущест), в противном случае ответ некорректен, как некорректен и вопрос, предполагающий такого рода ответ, ср. неприемлемое **Чью ножку вы запекли в духовку?* — *Куриную* (вопрос предполагает в ответе не конкретную курицу, а вид птицы). Ср. также *Знает кошка, чье мясо съела*, где недопустима интерпретация ‘кошка знает, мясо какого животного (говядину, свинину и т. п.) она съела’ (о допустимой интерпретации этого примера см. ниже).

ИМЕНА АРТЕФАКТОВ

Что такое *Ванина ложка*? Это ложка, которой Ваня (обычно) ест. Что такое *ее комната*? Это комната, в которой она (обычно) живет. (Ср.: *Я ем Ваниной ложкой; Нас поселили в ее комнату*.) Большая часть вопросов с *чей*, содержащих артефакты, интерпретируется однозначно, причем предполагается ответ не о том, кому принадлежит данный объект, а том, кто его обычно использует. В этих случаях артефакт жестко связан с предикатом, обозначающим процесс его использования. Заполняя валентность такого предиката, артефакт становится как бы супплетивным отпредикатным именем и наследует какие-то его переменные (ср. выше раздел об именах родства). К числу наследуемых, может оказаться, относятся и переменные субъекта действия, т. е. лица, использующего артефакт. В таком случае посессивное отношение есть

*Что касается объектной валентности, то сочетания типа *десертная ложка*, *чайная ложка*, *ложка для варенья* и др. заставляют предполагать, что и эта семантико-синтаксическая информация не теряется в лексеме *ложка*.

** Ср., впрочем, вполне приемлемую пару — *Чей станок?* — *Немецкий*, демонстрирующую распространенный для некоторой группы артефактов вариант креативной интерпретации с *чей* — страна или организация-производитель. Ср. еще: *чья машина?*, *чья дуги?*, *чья валюта?* и т. п. Заметим, что в этом случае меняется тип объекта, с которым денотативно соотнесена лексема. Так, *чья дуги?* может пониматься как ‘кто пользуется данным конкретным флаконом?’ vs. ‘какая страна производит этот вид духов?’ (*‘конкретный флакон’); *чья газета?* = ‘кто читает этот экземпляр газеты?’ vs. ‘какая страна (организация) издает печатное издание с таким названием?’.

Легко видеть, что одушевленность X, вообще говоря, вытекающая из креативной интерпретации или идеи использования (пользователь обычно — лицо), должна пониматься достаточно широко, ср. сочетания типа *газета союза композиторов*, которые, видимо, целесообразно описывать как посессивные (ср. [4, с. 25], где семантический признак ‘лицо’ приписывается не только собственно именам лиц, но и именам организаций).

способ формального выражения такой валентности. Артефакт *ложка*, очевидным образом, связан с предикатом *есть*, который описывает процесс нормального использования ложки и имеет по крайней мере три валентности: ‘кто ест что чем’. Ложка заполняет третью и имеет возможность унаследовать остальные две, в число которых входит субъектная, ср. интерпретацию вопроса *чья ложка?**

Заметим, что субъектная валентность является наиболее частым, но не единственным кандидатом на выражение посессивного отношения: в случае, когда несубъектные валентности могут быть заполнены именем лица, возможна их конкуренция с субъектной валентностью, ср. *чей портрет?* (также: ‘кого изображает?’), *чей памятник?* (также: ‘кому поставлен?’) и т. п.

Вообще говоря, предикат, с которым связано имя артефакта, не обязательно обозначает процесс использования артефакта — возможно актантное отношение между именем артефакта и предикатом, обозначающим процесс создания артефакта. Ср. вопросы типа *Чье письмо?*, интерпретирующиеся не только как ‘кто получил’ (о пользователе), но и ‘кто написал’ (креативная интерпретация). Вторая (креативная) интерпретация, впрочем, не равным образом естественна для всех без исключения артефактов, ср. *Чей дом?* — скорее, ‘кто живет?’, чем ‘кто построил?’; *Чей станок?* — скорее, ‘кто на нем работает?’, чем ‘кто его сделал?’. Вне контекста вторая интерпретация вряд ли вообще возможна**. Креативная интерпретация посессивных конструкций возникает в основном для тех имен артефактов, которые обозначают объекты, в принципе поддающиеся воспроизведению одним человеком (“тиражированию”), но при этом индивидуальные в каждом экземпляре, так что и облик, и свойства объекта определяются его автором, создателем. Ср. названия произведений искусства, для которых прежде всего устанавливается актантное отношение с предикатами креативной семантики, обозначающими процесс создания артефакта (ср. *чья картина/скульптура*).

Замечание. Вообще говоря, прагматические условия, меняющие интерпретацию предложений и словосочетаний, могут определять выбор нестандартного предиката, естественного только для описания данной конкретной ситуации. Так, *Ванина ложка* может в какой-то ситуации значить, например, ‘ложка, с которой играет Ваня’, а ‘станок Иванова’ — ‘станок, который чинит Иванов’. Отсюда и возможность нестандартной интерпретации вопроса *Чей X?* Однако это должна всегда быть “ожидаемая” нестандартность: нестандартный ответ на вопрос с *чей* в случае, если X — артефакт, возникает только тогда, когда спрашивающий его ожи-

дает, т. е. когда и спрашивающий, и отвечающий осознают, что между данными X и Y устанавливается (благодаря ситуационному контексту) некоторое новое, дополнительное отношение, прагматически более сильное, чем то, которое задается словарно (ведь отношение между именем артефакта и предикатом, называющим способ использования или создания соответствующего объекта, конечно, лексикографически фиксировано).

ИМЕНА АРТЕФАКТОВ И ИМЕНА ЕСТЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ

Описанная выше модель интерпретации адекватна только в том случае, если предикат, с которым данный артефакт связан аргументным соотношением, имеет субъектную валентность. Совершенно очевидно, что это условие будет соблюдаться не всегда. Возьмем, например, имя *забор*. Оно связано с предикатом *огораживать*, имеющим две валентности: *X огораживает Y (забор огораживает садовые участки)* [5]. Объектную валентность лексема *забор*, безусловно, наследует (*забор вокруг дома*). Но субъектной валентности у этого имени артефакта по понятным причинам быть не может. В таких случаях имена артефактов ведут себя так же, как неартефакты — имена естественных классов, такие, как, например, *заяц*. Поссесивные конструкции с такими именами оформляют не обязательную валентность, а факультативную — валентность посессора. И семантика этого отношения шире, чем семантика актантных отношений, специфику которых мы обсуждали выше. Ее описанием можно было бы считать толкование, предложенное А. Вежбицкой в [6].

“Я обладаю вещью значит ‘Я имею право (= ‘общество хочет, чтобы я мог’) сделать с этой вещью все, что я захочу’.”

Итак, имена естественных классов можно описывать как имеющие факультативную валентность посессора. На семантическом уровне представления это означает, что посессор связан с такого рода именами опосредованно, через некоторый семантический предикат (≈ ‘принадлежать’) и не входит в семантическое представление имени, а заполняет валентность этого предиката. Легко видеть, что этот класс случаев возвращает нас к традиционной трактовке поссесивности (см. выше). Конечно, имен естественных классов относительно немного, но, как было показано выше, группа лексем, подлежащих “традиционному” описанию, должна быть расширена за счет некоторого количества имен артефактов.

Между тем, необходимо отметить, что структурное тождество поссесивных конструкций с именами артефактов и именами естественных классов может достигаться не только за счет того, что некоторые артефакты “похожи” на имена естественных классов (тем, что не связаны ни с каким предикатом), но и за счет того, что некоторые имена

естественных классов “похожи” на артефакты, — они, напротив, оказываются связанными с предикатом, описывающим процесс использования человеком данного объекта. Ср., например, имя *дерево*, очевидным образом связанное с предикатом *сажать* или *выращивать*, что делает вопрос *Чье дерево?* достаточно легко интерпретируемым. Очевидно, что это утверждение распространяется вообще на растущие культурные (саженные) растения. В ситуации *Посадила дед репку* ответ на вопрос *Чья репка?* будет однозначен. Так же ясно и что граница между “актантной” и “традиционной” интерпретацией поссесивных конструкций проходит не в том месте, где кончаются имена артефактов и начинаются имена естественных классов*, а между именами тех объектов, которые обычно используются человеком некоторым фиксированным способом, и остальных**. Ср. имена *доньшко* и *окуроч*. Оба они называют части артефактов***, но способ “использования” человеком окуроча (и соответствующего ему целого — сигареты, папиросы, и т. п.) жестко фиксирован и назван предикатом *курить* (имеющим в качестве первого актанта лицо X: *X курит Y*). Ничего подобного нельзя сказать о лексеме *доньшко*, описывающей часть у посуды различных типов. Эта часть непосредственно не связана ни с каким видом деятельности человека. Поэтому легко интерпретируется вопрос *Чей окуроч?* (= ‘кто курит?’) и вне прагматического контекста неясен вопрос *Чье доньшко?* Ср. точно так же противопоставленные вопросы *Чье деревце?* (≈ ‘кто посадил?’) и *Чье облако?*

ИМЕНА ЛИЦ

С семантико-синтаксической точки зрения, имена, называющие лиц, достаточно разнообразны. Прежде всего, это имена деятеля типа *должник*, *убийца* и под., а также имена родства, которые были рассмотрены выше. Они имеют в своем семантическом представлении валентность, заполняемую именем живого существа. Это отношение оформляется поссесивными средствами.

Несколько более сложной оказывается интерпретация в контексте вопроса с *чей* имен профессий, таких, как *портной*, *архитектор*, *повар*, *машинистка*, *парикмахер*. Однако и в этом случае интерпретация однозначна: *Чей портной?* ≈ ‘для кого шьет?’, *Чья машинистка?* ≈ ‘для кого печатает?’, и т. п. В семантических описаниях этих лексем также встроена валентность на имя лица — это обязательная (поссесивная) валентность, присутствующая объекту действия, ср.: *портной Y-a* ≈ ‘тот, кто шьет одежду Y-a’, *парикмахер Y-a* ≈ ‘тот, кто стрижет и причесывает волосы Y-a’, *архитектор Y-a* ≈ ‘тот, кто строит дом (дома) Y-a’, и т. д. Переменная, заполняющая такую “встроенную” валентность, и оказывается вопросительной переменной в вопросе с *чей*.

* Здесь, однако, также что называется “нет жесткой границы”: среди имен естественных классов могут попадаться и такие, которые можно считать именами артефактов, — например, *масло* или *мясо*. Ср. интерпретацию уже упомянувшегося предложения *Знает кошка, чье мясо съела* = ‘Кошка знает, кто должен был съесть то мясо, которое съела она’.

** Это утверждение, впрочем, тоже не вполне точно, т. е. здесь не учтены аргументные отношения имен артефактов с предикатами креативной семантики.

*** *Окуроч* в данном случае представляет весьма своеобразную группу частей-остатков, ср. *огрызок*, *огарок*, *кочерыжка* и под.

Какие-то похожие решения, по-видимому, должны быть найдены и для описания некоторых других имен лиц (а также имен групп лиц, имен организаций и учреждений — см. сноску на с. 22) в контексте вопросов со словом *чей*. Так, оказывается, что на вопрос *Чей писатель (поэт, художник)?* или *Чье правительство (министерство внутренних дел, армия, флот. . .)?*, а также, например, *Чей город?* отвечает именем страны (народа), на чьей территории родился (живет) ученый или писатель, в которой сформировано правительство или находится город. Ср. неприемлемую пару * — *Чей город? — Город Пушкина*, при том, что рассматриваемые порознь вопрос и ответ грамматически правильны. (Ср. также грамматически правильные сочетания *наше правительство, армия Боливара* и под.) Толкования такого рода имен должно, следовательно, содержать соответствующую переменную — в первом случае отражающую национальную принадлежность лица, а в других — административную принадлежность крупного населенного пункта или (государственной) организации (учреждения).

Другой вид возможной семантической переменной в толковании имени лица (и в особенности, групп лиц, организаций и под.) — переменная начальника (руководителя) X-а*, ср.:

- *Чей театр? — Спесивцева;*
- *Чей батальон, подразделение? — Майора Семенова;*
- *Чей отдел, сектор? Чей класс? [классного руководителя];*
- *Чей институт, цех, завод? и даже Чей про-граммист?*

Эта переменная входит в толкование имен профессий**, причем только таких, которые предполагают подчиненное положение по отношению к некоторому другому лицу, так что суть профессиональной деятельности оказывается в выполнении чужого “заказа”. Если же толкование имени профессионального деятеля содержит отсылку к некоторому коллективу, команде, в которых только и может осуществляться эта деятельность (ср. *вратарь, матрос, актер* и др.), то и эта переменная может стать вопросительной в контексте вопроса с *чей*, ср.:

- *Чей актер? — Театра на Таганке;*
- *Чей вратарь? — “Спартак”.*

Среди имен профессий есть, однако, и имена, обозначающие, так сказать, индивидуальную трудовую деятельность. *машинист, охотник, моряк* (ср. *матрос*), *мельник, пилот, паяц* (ср. *шут* в *Чей шут?* ≈ ‘для кого шутит?’) и др. В этом случае, как и, например, в случае с именами национальной принадлежности (*казах, латыш* и под.), не имеющими никаких семантических переменных в толковании, интерпретация посессивной конструкции опирается исключительно на прагматический контекст. Оператор вопроса связывает здесь не семантическую переменную в толковании лексем, а переменную, связанную с предикатом, описывающим конкретную прагматическую ситуацию.

* Ср. лексическую функцию *Сар* в модели “Смысл \leftrightarrow Текст” [7]

** Но ср. здесь *Он — человек Горбачева*, с очевидной параллелью с именами лиц типа *старик*, “расширяющим” множество имен рода (см. выше, соответствующий раздел).

Процедура поиска вопросительных переменных в вопросах *Чей X?*, содержащих отглагольные имена с незаполненной первой валентностью, — в принципе та же, что и, например, для названий частей тела. Она сводится к заполнению этой валентности именем живого существа. Таким образом, вопрос *Чей путь мы собою теперь устали-ем?* “структурно” аналогичен вопросу *Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?* (Багрицкий). Это касается всех видов отглагольных имен со свободной первой валентностью (имен объекта [S₂], имен способа действия [S_{mod}], имен результата [S_{res}] и др.), кроме отглагольных имен ситуации — S₀. Для описания этой последней группы лексем в контексте притяжательных конструкций (и, в том числе, вопроса со словом *чей*) требуется, по-видимому, совершенно другой подход. Этот подход должен, в частности, объяснять следующую особенность интерпретации вопросов *Чей X?* с S₀.

Если S₀ имеет два одушевленных актанта (ср. такие S₀, как *убийство, мобилизация, утрата, охрана* и др., то оказывается, что а priori нельзя сказать, какой из них будет соответствовать посессору в посессивных конструкциях. В зависимости от конкретного отглагольного имени, это может быть первый актант (ср. *чье понимание* — ‘кто понимает’), может быть второй актант (ср. *чье награждение* — ‘кого награждают’), а для некоторых S₀ допустима двоякая интерпретация (ср. *чье посещение* — ‘кто посетил’ или ‘кого посетили’). Совершенно очевидно, что чисто синтаксическое правило интерпретации посессивного отношения, пригодное для описанных выше простых случаев, здесь не подходит: механизм выбора посессора связан не с синтаксической структурой X (с некоторой долей условности можно считать, что синтаксическая структура обсуждавшихся выше S₀ одинакова — по крайней мере, в интересующем нас аспекте), а с семантикой отглагольного имени, в частности, с ролевой характеристикой его актанта. Если пользоваться стандартной терминологией, то можно отметить, что второй актант выбирают в качестве посессора те отглагольные имена, у которых наблюдается агентивно-пациентное распределение ролей (первый актант — агент, второй — пациент), ср. *замена, исключение, мобилизация, убийство. . .* У S₀ с первым актанта в роли экспериенцера этот актант оказывается посессором (ср.: *моя утрата* или *на чье понимание вы рассчитываете?*). Двойственная интерпретация свойственна S₀ с агентивно-реципиентной структурой (*воспитание, критика, обман, одобрение, посещение*).

В принципе, предложить простые правила, объясняющие такое семантическое поведение имен ситуаций в контексте вопросов с *чей*, не удастся. Ниже будет изложена попытка решения этой проблемы, основывающаяся на некотором специальном усложнении семантического представления посессивного вопроса.

Вообще говоря, “непредсказуемость” поведения имен ситуаций известна: можно даже сказать, что она является их наиболее ярким родовым свойством (отличающим их, например, от инфинитивов). Ср. *он жаждет помощи* ‘он жаждет, чтобы ему помогли/*жаждет помочь’, *он жаждет мести* ‘он жаждет отомстить/*чтобы ему отомстили’, *он боится мести* ‘он боится, что некто отомстит ему’, и т. п. Интерпретация конструкций с отглагольными именами (правила установки кореферентности) в таких случаях зависит от ролевой семантики вершинного и вставленного (номинализованного) предикатов и определяется правилами “семантического согласования”: кореферентность устанавливается между такими двумя актантами, роли которых тождественны или обнаруживают максимальное совпадение семантических характеристик (например, между двумя пациенсами, между пациенсом и экспериенцером и т. п.). Подробнее о проблемах, связанных с описанием имен ситуаций, см. [8].

Нам представляется, что в случае посессивного вопроса можно предположить действие аналогичного семантического механизма, управляющего выбором нужной валентности у отглагольного имени. На первый взгляд, такое утверждение может показаться несколько неожиданным: ведь контекст *чей+S₀* не содержит вершинного предиката (типа финитного глагола в примерах, представленных выше), с актантами которого происходило бы семантическое согласование актантов отглагольного имени. Однако проблема решается, если принять, что такой предикат присутствует в глубинном семантическом представлении вопроса *Чей X?*, содержащего *S₀*. Свойства этого предиката таковы, что он требует установления кореферентности либо с пациенсом, либо с экспериенцером. Следовательно, он должен содержать актанта с некоторой слабо-агентивной ролью. Таким образом, мы предполагаем, что конструкции со словом *чей* содержат глубинный двухместный предикат, первая валентность которого заполняется актантом — именем лица со слабо-агентивной ролью, а вторая валентность — отглагольным именем *S₀*. Семантикой этого предиката, исходя из всего сказанного, предлагается считать нечто вроде ‘быть вовлеченным в’ (*X* вовлечен в ситуацию *S₀*). Предикат с такими свойствами будет обеспечивать именно тот тип установления кореферентных связей, который реально будет иметь место для *чей*-вопросов. Ср.: *Чье исключение?* = ‘кто вовлечен в ситуацию исключения?’ = ‘кого исключают?’ [тот, кто исключает, не ‘вовлечен (помимо воли) в ситуацию’, а сам является ее каузатором]. *Чье понимание?* = ‘кто вовлечен в ситуацию понимания?’ = ‘кто понимает?’ [поскольку тот, кого понимают, сам стимулирует возникновение всей ситуации].

Конечно, такой механизм является достаточно сложным и его детали нуждаются в уточнениях. Однако, с нашей точки зрения, без привлечения правил семантического согласования с глубинным предикатом в принципе невозможно объяснить особенности синтаксического поведения отглагольных имен (в отличие, как мы видели, от имен других типов, позволяющих ограничиться более простыми правилами).

1. Посессивное отношение негомогенно. И семантическая, и синтаксическая интерпретация разных видов посессивных конструкций оказывается различной.

2. Во многих случаях посессивные конструкции имеют достаточно жесткую семантику и хорошо моделируются актантными отношениями (например, конструкции с разными классами отглагольных имен — кроме имен ситуаций! — а также с именами артефактов). Традиционный способ описания посессивного отношения, когда посессор вводится семантическим предикатом ‘принадлежать’, оказывается в таких случаях неэффективным.

3. Предлагается принять традиционное описание посессивного отношения, в частности, “посессивного” вопроса *Чей X?*, лишь для небольшой группы лексем — в основном, имен естественных классов.

4. Особый способ представления приходится постулировать для посессивных конструкций, содержащих отглагольные имена ситуации (*S₀*), где посессор выбирается по сложным правилам, учитывающим ролевые характеристики отглагольного имени.

5. В некоторых случаях обнаруживаются семантические ограничения на роль посессора. Представляя безусловно важную лексикографическую информацию, такого рода ограничения могут отражать экстралингвистические сведения о том, что, например, золото может принадлежать частному лицу, а нефть или медная руда обычно принадлежат государству или компании (главе компании). Однако в некоторых случаях такого рода экстралингвистическая информация касается настолько общепринятого, устойчивого отношения между объектом и некоторым лицом (группой лиц, учреждением, организацией и под.), что должно обязательно фиксироваться в толковании данной лексемы. Таковы отношения *театр — режиссер театра, завод — директор завода, писатель, ученый — страна писателя, ученого*, и под. Такого рода отношения также могут выражаться посессивными средствами.

6. При этом оказывается, что с наибольшей строгостью они соблюдаются при ответе на вопрос со словом *чей* и с наименьшей — при построении повествовательной посессивной конструкции, на способ интерпретации которой серьезное влияние оказывает прагматический контекст употребления.

7. Особого внимания заслуживает описание семантически аномальных, но прагматически релевантных интерпретаций посессивных конструкций. По-видимому, принцип здесь должен состоять в восстановлении необходимого (и соответствующего по своей семантике прагматическому контексту) опущенного предиката (в частности, предиката ‘принадлежать’), описывающего некоторое окказиональное отношение между членами посессивной конструкции.